

Пролог

— Входите, Алексей Иванович, входите, — отозвался на стук в дверь кабинета худрук подмосковного чаплинского музыкально-драматического театра «Серена».

Город Чаплинск был небольшим, со своей уютной атмосферой и своими провинциальными нравами, которые еще не затронули столичные нововведения. Может быть, именно по этой причине и московский бомонд, и столичные чиновники с удовольствием приезжали в этот неспешный по своему жизненному укладу городишко, чтобы отдохнуть в нем от больших скоростей, духоты и загазованности мегаполиса.

— День добрый, Антон Бенедиктович. Вы меня вызывали?

Вопрос был, конечно же, риторический — иначе зачем же еще актер Алексей Сенечкин пришел бы к начальнику? У актеров в театре задача конкретная и определенная — играть на сцене, а не ходить по кабинетам. Тем более что репетиция нового спектакля была в разгаре. Хотя сам Сенечкин и не был задей-

ствован в этой новой постановке, зато там играла его супруга Аличка, и Алексею Ивановичу было весьма интересно наблюдать за ее игрой. Вызов в кабинет худрука был для него досадным и весьма неудобным на данный момент событием. Но что поделать? С начальством не поспоришь. Зовут — значит, надо идти.

— Да, проходите и садитесь, — худрук сделал приглашающий жест рукой.

Антон Бенедиктович был довольно молодым человеком лет тридцати с небольшим. И хотя в театральном искусстве он разбирался так же, как корова в луговых цветочках, зато он был энергичен, умел добывать необходимые для существования театра деньги и пробивать различные новомодные (а значит, и доходные) режиссерские проекты. Эти проекты по большей части отдавали эротическим духом, но такое обстоятельство ни нового молодого худрука, ни старого — по всем параметрам — режиссера не смущало, потому как такие переделки классических постановок на современный лад приветствовались высшим руководством из городского комитета культуры. А этим руководством, надо сказать, являлся тесть новоиспеченного худрука, который и выдвинул своего энергичного зятя на эту весьма перспективную должность. Перспективную, конечно же, не в культурном, а в денежном смысле — день-

ги на новые проекты выделялись щедро. Вот только зарплата актеров отчего-то не росла, хотя на спектакли народ Чаплинска шел с удовольствием.

Алексей Иванович Сенечкин, человек сам по себе весьма скромный, но зато талантливый актер, уже больше двадцати лет играл в чаплинском театре и был, как и большинство местных актеров, приверженцем старой, академической театральной школы, где Станиславский и Немирович-Данченко считались столпами и непререкаемыми авторитетами. Фамилия Сенечкин была славная и знаменитая в Чаплинске, а вернее, в театральных кругах городка. Еще дед и отец Алексея Ивановича выступали на подмостках «Серены», играя такие значимые роли, как городничий из «Ревизора» и купец Ермолай Лопухин из «Вишневого сада». А сам Алексей Иванович тоже, можно сказать, родился как актер в этом небольшом, уютном театре. Поэтому относился он к своей профессии не только с гордостью, но еще и с нежным трепетом, считая себя не только актером, но и носителем культуры среди жителей Чаплинска.

Зная, что новое руководство «Серены» решило сменить курс и перейти от классических постановок к современному «шлягеру» (именно такое название было дано артистами чаплинского театра новомодным постановкам старых спектаклей), Алексей Иванович

понимал, что вызов к новому руководству не сулит ему ничего приятного. Поэтому вошел он в кабинет худрука с волнением и смутным нехорошим чувством.

— Я хотел бы поговорить с вами по поводу вашего дальнейшего пребывания в нашем коллективе, уважаемый Алексей Иванович, — не отвлекаясь на политесы, худрук решил вывалить на Сенечкина все и сразу. — Ни мне, ни нашему режиссеру, Константину Павловичу, не по душе ваша игра на сцене. Нет, мы понимаем, — худрук предостерегающе (а может, успокаивающе) выставил перед собой ладонь, — что вы один из старейших актеров нашего театра! К тому же потомственный актер. Но искусство, дорогой Алексей Иванович, — оно, как и жизнь, на месте не стоит. В отличие от вас. Вы как играли по старинке, так и играете, не желая перестраиваться. Постоянно спорите с режиссером, отказываетесь выполнять его указания, не обращаете внимания на его советы... А ваши диссидентские высказывания и критика в адрес руководства, то есть меня и Константина Павловича, негативно влияют на всю труппу. Можно сказать, они ее разлагают изнутри. Люди стали возмущаться и даже требовать. Ну, куда это годится? И проблемы возникают из-за вас...

■ Антон Бенедиктович делано-горестно вздохнул и покачал головой. Он встал

и, подойдя к сидящему на другом конце длинного стола Сенечкину, отодвинул стоящий рядом с ним стул и сел, выражая тем самым свое участие к происходящему действию и выказывая свое доброе отношение к актеру. Но Алексей Иванович прекрасно понимал, что все это — актерство и позерство со стороны начальства, а потому еще больше напрягся и насторожился, готовясь к худшему.

— Так вот, — продолжил худрук. — На чем это я остановился? Ах да — на вашем диссидентстве. Оно мешает нам работать. Очень мешает! К тому же... — Последовала многозначительная, как принято говорить, театральная пауза. — К тому же, если говорить предельно честно, вы, Алексей Иванович, не вписываетесь в наш обновленный коллектив ни своим среднестатистическим, мягко говоря, талантом, ни своей просто маниакальной приверженностью к старой театральной школе. А потому мы приняли решение уволить вас в связи с сокращением штатов. Ну или как не справляющегося со своими обязанностями члена нашего дружного коллектива. Тут уж я разрешаю вам самому выбрать причину увольнения.

Кто эти гипотетические «мы», худрук, конечно же, не уточнил. Да и не собирался. Алексею Ивановичу и так было все ясно — его вышвыривают из театра, в котором он

столько лет честно проработал! Изгоняют вон! Вон из театра, без которого он не мыслит свое существование. Да и не умел он больше в этом мире ничего, кроме как играть разные роли. Играть так, словно проживал каждый раз за своего героя его жизнь, так, словно это он был и Чичиковым, и Мастером, и евреем Абрамом Шварцем из «Матросской тишины» Галича... Он так же, как и они, хитрил и обманывал, был честным и скромным, болтливым и жуликоватым, так же рождался, жил и умирал... Но это все на сцене, а сцена и была его, Алексея Ивановича Сенечкина, настоящей жизнью — жизнью, полной интриг и слез, радостей и маленьких побед, горестей и разочарований, утешений и вдохновения.

— Но как же так? — растерянно посмотрел на худрука Алексей Иванович. — Почему? Ведь я не смогу без театра. Я... Ведь я ничего больше не умею. А впрочем... — Сенечкин высоко поднял голову и сжал губы. — Впрочем, кому и зачем я это сейчас говорю? Вам, который ничего не смыслит в театре, в искусстве, который нанял на работу бесталанных, но готовых плясать под вашу с режиссером дудку людишек, а талантливых людей уволил за ненадобностью! Что ж... Я напишу заявление и передам его секретарю, — Алексей Иванович посмотрел в глаза худрука и ■ встал. — Засим — откланиваюсь, — он при-

щелкнул каблуком о каблук, кивнул и, резко развернувшись, твердым военным шагом вышел из кабинета.

В приемной, как оказалось, его ждала супруга Алина, которая, волнуясь по поводу вызова мужа в кабинет начальника, взяла перерыв в репетиции и примчалась узнать, что послужило причиной приглашения к худруку. Она о чем-то тихо переговаривалась с секретарем Светланой Владимировной. Когда ее муж вышел из кабинета, обе женщины замолчали и выжидательно уставились на Алексея Ивановича. Тот был бледен, но по выражению лица нельзя было понять, какие именно эмоции его одолевают.

Секретарь молча протянула Сенечкину стакан воды, и тот, взяв его, залпом выпил. А потом все так же молча прошагал все тем же военным шагом к выходу из приемной. Алина и Светлана Владимировна встревоженно переглянулись, и жена кинулась следом за супругом.

— Алеша, подожди! — Алиночка Сергеевна, как уважительно и ласково звали ее все в театре, подбежала к мужу, остановила его, твердо положив на его плечо свою маленькую руку, и развернула лицом к себе. — Ну-ка выкладывай, что он там тебе наговорил?! — потребовала она.

Алексей Иванович знал, что спорить с супругой бесполезно. Пока она все с него не

вытянет — не отстанет, а потому все, что произошло в кабинете начальника, рассказал ей в двух словах, что дословно звучало так:

— Меня уволили.

— Что?! — Алиночка Сергеевна сделала большие глаза, но потом вдруг нахмурилась и, резко повернувшись к мужу спиной, решительно направилась обратно в приемную. А вернее (Алексей Иванович прекрасно понял ее намерения), в кабинет худрука. Останавливать ее сейчас было бесполезно. Это было все равно, что попробовать остановить мчащийся на всей скорости электропоезд. Алексей Иванович отлично знал натуру своей супруги, а потому даже и не пытался ее остановить.

В их семье (к большому сожалению супругов — бездетной) Алина была лидером. И именно она всегда ставила точку в принятии семейных решений, хотя и принимали они их всегда совместно.

Алексей Иванович Сенечкин был строен и подтянут и выглядел со спины лет на тридцать пять, но лицо из-за частого накладывания грима прибавляло ему пяток лет, а потому в суммарном отношении потомственный актер театра «Серена» как раз подходил под свой метрический возраст — сорока семи лет.

Супруга же его — Алиночка — сохранила и в свои сорок пять стройность восемнадца-

тилетней барышни, и личиком была свежа, как майская роза. Что тому было виной — генетика или ежедневный косметический уход, — Алексея Ивановича не интересовало. Он любил бы свою супругу в любом виде, потому как смотрел на нее не просто глазами мужчины, а глазами любящего мужчины. А любовь, в понимании Сенечкина, простиралась куда как глубже внешнего вида жены.

Так как детей у них не было (Бог не дал, и они с этим решением Всевышнего смирились), то все свои силы и энергию Алексей и Алиночка направили на театр, отдаваясь творчеству со страстью юных Ромео и Джульетты. Даже дома все их разговоры были только о театре, о ролях, о новых постановках и о старых пьесах. Они не просто жили театром, они им дышали.

Поэтому когда Алина наконец-то вышла из приемной и подошла к мужу с глазами, полными слез, он понял все без слов. Она в знак ли протеста, или просто из солидарности решила тоже уйти из театра. Их мир катастрофически рушился, и у них после этой катастрофы оставались только они сами, их любовь друг к другу и к искусству.

— Он предлагал мне остаться и обещал денежные роли, — презрительно фыркнула Алиночка Сергеевна. — Бегать полуголой по сцене и декламировать монолог пушкинской

Земфиры! Нет, ты представляешь?! — возмущенно спросила она и, взяв мужа под руку, повела его к выходу из театра.

Супруги Сенечкины выходили из стен «Серены» с высоко поднятой головой и сопровождаемые сочувственными и тоскливыми взглядами своих товарищей по труппе. Сочувствуя Сенечкиным, актеры с тоской думали о своей судьбе и о судьбе своего театра. О том, что им придется мириться с новыми правилами, или же... Впрочем, это уже другая история.

Декан-правовед столичного университета Андрей Викторович Козырьков был на грани нервного срыва. Он сидел в своем кабинете и думал о причинах, по которым его любовница, прекрасная и молодая полячка Агнешка, стала избегать его общества. Конечно же, декану не полагалось иметь связь со студенткой, да еще и иностранкой, но Агнешка была так соблазнительно прекрасна и молода, что Андрей Викторович не устоял и превысил свои деканские полномочия в отношении этой студентки-второкурсницы. Если бы об этой связи узнали в деканате или, не дай бог, — жена декана, с которой он состоял в браке вот уже почти тридцать лет, то скандала ему не избежать. Впрочем, какой там скандал — развод! И с супругой при разводе нужно было бы делиться нажитым добром — и, скорее всего, его большей частью. А там и взрослые детки могли заявить о своей доле в состоянии отца. Козырьков давно подозревал, что и его сынок, и дочка только того и ждут, чтобы выпал удобный случай и они

смогли запустить свои ручонки к нему в карман. А вернее, в его банковский счет.

Так что раскрывать свою связь с прекрасной панночкой декану-правоведу было невыгодно ни с какой стороны. «Может, оно и к лучшему, что Агнешка вдруг потеряла ко мне интерес? — приходили иногда к Андрею Викторовичу правильные мысли, но потом он сам же себя и одергивал: — Но как же я смогу тогда обходиться без этих лебединых ручек и без этих малиновых губок?! — в отчаянии вопрошал он себя и после этого думал уже не о жене и не о дележе совместно нажитого с ней добра (хотя, честно сказать, наживал это добро он один), а исключительно о ласках юной прекрасной полячки. — Я прямо как Андрий из «Тараса Бульбы», — усмеялся Козырьков в уже седеющую профессорскую бородку. — Увлёкся, как мальчишка. А что поделаешь? Страсть — она и умных деканов делает глупцами».

Думать-то таким образом Козырьков думал, но ничего поделать с тем бесом, что в ребро, не мог. Не мог, да и не хотел он отпустить от себя Агнешку, а потому готов был сделать для нее все, что она только попросит, лишь бы она оставалась рядом и не смотрела в сторону молодых студентиков. Что с них возьмешь, с тех студентиков? Большинство из них хоть и из состоятельных семей, но папины деньги для них недоступны, особенно

в таком количестве, которые имеет в своем распоряжении Андрей Викторович.

Деньги, если признаться честно, не все были нажиты законным и честным путем, но ведь не он, Козырьков, придумал брать взятки. И до него этим делом баловались преподаватели — еще в советские времена, да и в царской России педагоги мздоимствовать не брезговали. Он же только их почин поддерживал. Ну а как иначе? На одну профессорско-деканскую зарплату в Москве достойной жизни не обрящешь, как сказал бы его коллега в веке этак восемнадцатом.

«Но как же мне быть с Агнешкой? — размышлял Козырьков. — Как вернуть обратно ее пыл и страсть? Разве что подарить ей что-нибудь особенное. О чем она мечтает? Не так давно, помнится, она говорила, что хочет завести собаку. Как ее там... Какой-то кавалер король Чарльз... Тьфу. Надо в интернете посмотреть».

Андрей Викторович набрал в поисковике «Порода собак кавалер...», и поисковик сразу же выдал ему информацию. Оказалось, что полностью порода называется кавалеркинг-чарльз-спаниель. Посмотрев фото собаки в разных видах и ракурсах и не найдя во внешности животного ничего, что могло бы привести его в такой же восторг, в какой эти собаки приводили Агнешку, декан стал присматриваться к цене на щенков. А стоили они

вместе с документами от заводчика совсем даже недешево — до трехсот тысяч рублей.

У Андрея Викторовича такие деньги, конечно же, были, но только вот отложены они были жене на шубку, которую он обещал ей ко дню рождения, а не на щенка для любовницы. И этот факт несколько смущал Козырькова. Нужно было принимать решение или находить какую-то другую альтернативу дорогому песику. Но профессор понимал, что другого такого шанса угодить своей любовнице у него больше может и не быть. А жена... Жене он придумает, что сказать. Или займет на шубку у своего давнего сотоварища и коллеги — декана истории права Куренкова.

Успокоив свою совесть и, таким образом, подняв свою самооценку, Андрей Викторович пришел в благодушное настроение и, насвистывая арию «Сердце красавицы...», стал, как говаривал его сынок, «шарить» по интернету в поисках подходящего заводчика с подходящей ценой на щенков этих самых королевских спаниелей. Вскоре он набрел на объявление, где некая дама предлагала продать нужного декану щенка окраса бленхейм по цене в двести пятьдесят тысяч рублей. Выгода сделки была налицо — пятьдесят тысяч оставались для шубы, а значит, и занимать нужно будет меньше. Это обстоятельство так вдохновило Андрея Викторовича, что он тут же набрал номер телефона, ■ который был дан в объявлении.